

Олег Янков

Туман

Книга четвёртая

Олег Янков
Туман. Книга четвёртая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32830297

ISBN 9785449078179

Аннотация

Играете ли вы в карты? А не увлекаетесь ли вы пасьянсами? А не задумывались ли вы о том, кто и для какой надобности создал карты? И каков был умысел в их создании? Давайте поговорим об этом...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Туман

Книга четвёртая

Олег Янков

© Олег Янков, 2018

ISBN 978-5-4490-7817-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

О ТОМ, О СЁМ.

«Боль врача ищет» —

Русская народная пословица.

Нет, право слово, до чего же хорошо летом! Этот воздух, словно настоящий отменным винокуром, благоухает всем и сразу – цветами, ароматами фруктов, огородом, пьянящим и тончайшим запахом липы, отцветшей сирени и самого обычного дикого разнотравья, без спросу перебравшегося в усадьбу, и устроившегося там произрастать. Слегка щекочущий в носу запах пыли и сменяющий его прохладный ветерок, смешивающий все прежние запахи в один букет, не передаваемый никакими словами, а лишь определяемый обонянием, да словами: «Господи, до чего же славно!».

Да, милостивые мои государи и дамы, сие есть лето. То самое чудо природы, умиротворяющее думы буйствующей зеленью, и требующее предстать под лучами светила при самой малости надетого платья, после чего, стремглав, броситься в спасительную прохладу.

Упоительное, долгожданное и быстротечное лето на благословенной части земной суши, под названием Российская империя.

Для уточнения стоит добавить, что в Тамбовском имении

помещика Ляцких Кириллы Антоновича, лето было именно таким, как описано предшествующими предложениями.

В тени веранды, согреваемой послеполуденным светилом, и причудливо раскрашенной светлыми пятнами, пробившегося через листву солнечного света, за накрытым столом сидели два добрых друга – тот самый Ляцких Кирилла Антонович, и отставной штаб-ротмистр Краузе Модест Павлович.

Добрейшей души кухарка Циклида, женщина полная, однако никак не медлительная, прислуживала, подавая на стол яства, сотворённые её искусными руками.

Во дворе усадьбы царила идиллия, а за двором, аж до самого края земного, радуя и тело и душу, стояло лето. Тут же стоял 1903 год.

– Вы знаете, Модест Павлович, давеча прочёл книжицу некоего господина Бекфорда. О собачках разных пишет. Занятно, так, пишет.

– Настолько занятно, что вам захотелось самому завести псину?

– Именно так, дорогой друг! Предложил бы вам попытку в угадывании породы, да не стану. Слишком уж затейливое название носит та порода.

– Правильно, не загадывайте! Сразу скажите, – штаб-ротмистр, перегнувшись через стол, наполнил из бутылки синего стекла крепкого винца в бокал друга. Водрузив оную на полагающееся ей место на столе по левую руку от хозяина, Модест Павлович взял маленький огурец, сорта «весь

в пупырышку», и звонко откусил от него кусочек. – И что за порода, за которую мы поднимем тост?

– Фокс-гоунд, да будет вам известно! Сей господин пишет, что это отменнейшая лисогонная собака! Да-с! Да, за её здоровье!

Нахваливая и винцо, и те дары огородные, частью собранные дома, а большей частью доставленные от самых границ Малороссии, да ещё и сдобренные нежнейшего аромата прованским маселком, помещик продолжил.

– И вот что пишет господин Бекфорд о том фоксе: «Во всей собаке есть исключительное свойство – полнейшая симметрия во всех своих частях. Ея ноги прямы, как стрелы, а грудная клетка скорее широкая, чем узкая, эдаким бочонком. Да и голова её не слишком уменьшена, а ноздри, для осязания добычи, довольно открыты. Плечи ея наклонены к спине, как у лошади, но не тяжелы. У неё вообще всё тело в комке». Такая, вот, собачка – лисогон. Впечатляет, не находите?

Модест Павлович довольно неопределённо пожал плечами, после чего, подперев голову ладошкой, принялся слушать далее.

– И в конце той части книги, где описывается сия собаченция, этот господин пишет, что в России они известны лишь в лице худших своих представителей. Ну, не прохвост? Худших! Вот и захотелось мне приобрести себе пару этих фоксгоундов для разведения. И улучшения. А после, так же ско-

ро, расхотелось. Видимо, мала моя страсть к разведению пород, да и знаний особых крайне мало.

– Осмелюсь заметить, что вы ещё и не охотник. Разводить лисогонную породу без того, чтобы отпускать на волю её врождённый порок

– Вы обмолвились. Вряд ли «порок».

– Это я сказал «порок»? Простите, оговорился! Врождённый инстинкт, да... слушайте, а в сущности, какая есть разница – «инстинкт» либо «порок»? Вы не охотник и не заводчик, и не стоит давать лишний повод господину Беккендорфу

– Модест Павлович, вы уморите меня! – Сквозь смех едва проговорил Кирилл Антонович, – вы хотели сказать Бекфорду?

– Да, и ему тоже! Не стоит давать лишний повод укрепиться в мысли, что в России все собаки сей породы представлены в морде худших особей, именно благодаря Тамбовскому помещику!

– У него сказано «в лице худших представителей»!

– Нет на то моего согласия! У собак присутствуют морды!

И потом, ежели вы и дальше станете декламировать мне те пасквильные строки про то, что в России худые охотничьи породы, я, этого, вы поняли, о ком я говорю, вызову на дуэль!

– Не вызовете.

– Это, позвольте полюбопытствовать, ещё почему?

– Он преставился, судя по послесловию к книге, не менее

десяти лет назад.

– Скверный он человек! И про Россию гадко написал, и помер не ко времени.... А вы, Кирилла Антонович, точно прочли, что он... того? Вдруг, опечатка случилась? Ну, посмотрите внимательно! Не дайте угаснуть надежде!

– Нет, дорогой друг, он уже однозначно на небесах. И забудем о нём! Не считаете ли вы разумным и своевременным наполнить бокалы?

– Считаю, Кирилла Антонович, ох, как же я считаю! Вам

А договорить не удалось. Из-за угла веранды, с дичайшим воплем, сделавшим бы честь любому доисторическому зверю, описанному в книге Жозефа Анри Оноре Боакса, известного в среде читателей, как Жозеф Рони-старший, автор книги «Доисторические сцены», вылетело существо, отдалённо напоминающее кухаркиного сына Прошку. Лишь по некоторым отдалённым признакам было возможным убедительно считать в том, что выскочило, вышеупомянутого мальчика.

Его странное облачение в перья, в ветки сливового дерева и в старые вожжи, делало очевидным теснейшую, если не сказать кровную связь по нисходящему родству с доисторическими монстрами и вымершими ящерами. Всё говорило в пользу этого предположения – беспорядочные движения, гортанные звуки, переходящие в высочайший фальцет, тот ералаш, который с трудом можно было назвать одеянием

и... глаза, ищущие жертву. Или добычу.

Пометавшись перед верандой, и подняв в воздух облако пыли, этот персонаж, сошедший со страниц книг Жозефа Рони-старшего, чудесным образом умудрился остановиться более, нежели на несколько секунд. Оглядевшись вокруг себя обширные просторы мироздания, Прошка поднял глаза на сидящих за столом помещиков и, погрозив палкой, изогнутой напоподобие лука, сказал, обращаясь, не ведома, к кому.

– Я тебя запомнил!

После чего унёсся за иной угол дома, оглашая простор перед собою звуками, не поддающимися никакой классификации.

Около минуты было тихо. А после – то там, то там стали подавать голос птицы. Ветер, сперва, неуверенно, а вскоре смелее и смелее зашевелил листвою деревьев. Окружающий мир снова становился миром.

– А к кому он обращался? – Всё ещё держа бутылку в руке, проговорил штаб-ротмистр.

– Боюсь, что мои худшие опасения примут вполне вещественное проявление.

– А как, сказанное вами, прозвучит по-русски?

– Прозвучит так – угроза нависла над каждым из нас, поскольку персонально никому расправа не обещана. Так сказать – русская рулетка. Давайте же выпьем, чтобы хмель развеял грядущий ужас обещанной расправы.

– Господи, что же вы за болтуны такие, а?

Вышедшая на звуки сыновних игр Циклида, так и осталась стоять в дверях, слушая разглагольствования друзей.

– Тебе, уважаемая Циклида, бояться нечего, тебя-то он не тронет. А нам, с Кириллой Антоновичем, осталось жить совсем малость. Принеси винца приговорённым, в последней просьбе грешно отказывать.

Кухарка, с улыбкою, удалилась за новой бутылкой, а друзья-помещики с улыбкой встретили её скорое возвращение.

Что тут сказать? Радушие, душевность, летний вечер, покой, мир, 1903 год.

И всё же, сочту за надобное вернуться назад, к событиям, венчавшим некие похождения, позже названные «Ведищеложским делом», а именно к встрече наших друзей с надворным советником Толмачёвым Александром Игнатьевичем в банкетной зале ресторации «Крым».

Поверьте мне, нет ни малейшей надобности, пускаться в подробный пересказ той встречи. Она была радушной, долгожданной и продолжительной в рамках приличия.

Надворный советник очень мягко, но тоном, не рекомендуя слушание, упросил Кирилла Антоновича впредь не касаться вопросами личностей тех людей, кои оказались причастны, либо являлись заинтересованными в том самом «Ведищеложском деле». Не напрягая ваше внимание на этой части их беседы, могу от себя добавить, что Александр Игнатьевич сказал почти слово в слово то, что в тот же самый день, но несколькими часами ранее, на подобный вопрос по-

мещика высказался господин Фсио. Ответы сих господ многословными и откровенными назвать не повернётся язык, а посему мы с вами можем лишь вообразить, какие высочайшие персоны империи оказались в касательстве к сему странному делу.

Было в тот вечер и ещё одно событие. По требованию надворного советника в банкетную залу вошли два мужика, по виду – сильно пьющие кузнецы. Тяжкий дух, источаемый давно не мытыми телами и многодневным испитием крепких вин, наполнили залу настолько густо, что в пору было отворять окна.

Что, собственно говоря, сделано и не было.

Сей парой, по представлению надворного советника, оказались его лучшие агенты, подготовленные таким способом для выполнения особо опасных заданий. И таковое задание им поручалось сегодня – забрать у Кириллы Антоновича Чёрную Библию и доставить оную в... специальное место. Для надёжного сохранения.

Модест Павлович высказался весьма положительно о том, что подобная маскировка, применяемая агентами, может оказаться определённо действенной в деле такой важности. «Кто, – как выразился штаб-ротмистр, – станет подозревать гуляк в том, что они выполняют какое-либо задание? И кто отважится учинить им досмотр, учитывая этот... это амбре». Амбре – именно так и выразился Модест Павлович.

А господин Толмачёв, видимо досыта пресытившись этим

самым «амбре», настоял на скорейшей передаче Библии ожидавшим агентам.

Передача прошла без эксцессов. В том смысле, что книга, прежде проявлявшая какую-то привязанность к помещику, и не единожды реагирующая на слова и поведение «нового друга» странным, вовсе не книжным манером, на сей раз вела себя так, как вела бы себя любая иная книга – безучастно. Что, скажу вам по секрету, расстроило помещика. Но, самую малость. И тут же отпустило.

Когда агенты, получив строгий наказ и напутственное благословение, удалились, Модест Павлович и Александр Игнатьевич в четыре руки распахнули окна и с упоением принялись вдыхать свежий московский воздух.

– Тяжела служба у ваших агентов, – уже сдавленным голосом, от удерживаемого дыхания, пробурчал помещик, и скоро пристроился третьим у распахнутых окон.

И напоследок. Вероятно, вы ещё помните младшего унтер-офицера Тимофея Сомова? Вот и славно! Желаете знать, что стало с ним? Извольте! Господин Фсио слова своё сдержал, и отпустил Тимофея, прекратив преследование по ранее предъявленному обвинению. Однако (вот каков хитрец!), до ведома унтера Сомова доведено не было, что его освобождение имело основой ходатайство господ Ляцких и Краузе. Не имея ни малейшего понимания о том, что у него появились таковые покровители и благодетели, Тимофей свято уверовал в заступничество ангела-хранителя, из-

бавившего его от нависшей кары, и с удесятёрённым рвением принялся служить царю и Отечеству.

Такое изменение в человеке не осталось безнаказанным. Переступив через одно звание, Тимофей получил новые нашивки помощника околоточного надзирателя – фельдфебеля.

Теперь возможно и порассуждать о странных поворотах в судьбе, о нравоучительности грядущего наказания, о символичности коллизий в жизни и много ещё о чём. Только, стоит ли сейчас об этом? Мне видится, что нет. Просто прогуливаясь по Москве, и встретив серьёзного фельдфебеля Сомова Тимофея, припомните его похождения, приведшие его к быстрому чину, ответственности и внутренней дисциплине. И, ежели вам станет в охоту, то передайте ему поклон от Кириллы Антоновича и Модеста Павловича, вот уж он обрадуется!

И, в послесловии прежде сказанного, о событии, ставшим причиной написания сей главы. Или не её одной, а долгого повествования. Но, это при условии, что на то станет желания у господ-помещиков поведать нам в подробностях о тех похождениях, кои выпали на их долю сразу же, после прибытия в имение Кириллы Антоновича нарочного с конвертом, скреплённым сургучными печатями и украшенным гербовыми штемпелями.

По обыкновению, письма, подобные этому, отправлялись лишь одним человеком – надворным советником Толмачё-

ВЫМ.

Поставив размашистую подпись, напоминавшую геральдический вензель, на бумаге, подтверждающей получение сего письма, помещик тут же отправил прохвоста Прошку в имение к другу с настоятельной просьбой незамедлительно прибыть по весьма и весьма срочному делу.

Малость подросший кухаркин сын (относительно момента первого знакомства с ним), уже наловчился довольно сносно управляться с конём, потому и был отправлен к Модесту Павловичу верхом.

– Примчался, как только услышал о вашей просьбе. Чтостряслось? – Передавая поводья подоспевшему конюху, спросил штаб-ротмистр. – Не пои его сразу, пусть остынет! Злойка, побудь с ним, да веди себя, как подобает! Так, Кирилла Антонович, что за надобность?

– Пока не знаю, ждал вас, чтобы разом разрешить то, что случилось. Я получил депешу от Александра Игнатьевича.

Конь (да-да, тот самый Злойка, что помог одолеть бессарабцев) не имел в намерениях ни остывать, ни наслаждаться обществом конюха. Он привык быть в центре событий, приглядывая, при том, за другом. А тут его спроваживают к конюху! Да и этот, второй, почти друг, даже мельком не взглянул на коня! «Надо проучить этих... людей!» – примерно так подумал Злойка, поворачиваясь в обратную сторону, направляясь, вместе с волочащимся за конём, конюхом.

Дотавив упирившегося ногами в землю кучера, до на-

блюдавших сию баталию помещиков, Злойка чувствительно толкнул мордой Кириллу Антоновича в бок, и топнул копытом.

– Господи, прости! Ну, конечно, конечно, здравствуй, добрый конь Злойка! Как дела у твоего хозяина? Как ты, здоров ли? Не желаешь малость отдохнуть?

Поведение коня можно было перевести на русский язык так: «Мне, что, каждый раз вас вежливости учить? Ладно, и вам здравствовать! Куда идти я сам знаю. И отцепите от меня этого!»

И, в подтверждение правильности нашего перевода с лошадиного на человеческий, конь тут же развернулся, и направил свои копыта в сторону конюшни. Помещик распорядился, чтобы конюх не мешал коню отдыхать, а только напоил, когда Злойка скажет. Он так и сказал: «Когда Злойка скажет». Такие вот отношения были среди живущих на одной земле. Да-а, были.

Модест Павлович, дождавшись окончания воспитательного часа, устроенного конём, продолжил вопрошать, как ни в чём ни бывало.

– Как любопытно! И что в письме?

– А я не вскрывал без вас. Идёмте, Циклида уж пода-ла чай.

А письмо содержало такое известие.

«Милостивые государи Кирилла Антонович и Модест Павлович!

С тяжким сердцем отрываю вас от заслуженного вами отдохновения, однако же, наша теперешняя жизнь, о чём я временами сожалею, не может устоять на месте.

Имею твёрдое намерение, заочно заручаясь вашим на то согласием, посетить ваши имения не позднее, чем через три дня.

Кроме прочего, имею просьбу, могущую показаться вам нелепой и маловразумительной. Для прояснения сути, и самой надобности вышеупомянутой просьбы, я и намерен прибыть лично. Отрывать вас от покоя приглашением в столицу, считаю делом и преждевременным, и малообоснованным.

Теперь о самой просьбе. Настоятельно прошу вас выяснить всё, что удастся, и насколько сие будет в ваших силах, касательно игральных карт.

Уже предвкушаю вид удивления на лице Кириллы Антоновича, и исполненную сарказмом улыбку у Модеста Павловича. Смею вас заверить, что объяснение, данное мною, относительно необычности просьбы, сделает оную понятной и достойной вашего внимания.

За сим, имею честь откланяться.

Желаю вам здравствовать!

Надворный советник Александр Игнатьевич Толмачёв».

– Да-а, скажу прямо, просьба, мягко говоря... а вы, Модест Павлович, таки улыбались! Я заметил! Да-да-да, заметил со всею определённою! Вы улыбались!

– А вы... а вы удивлялись! Именно удивлялись! Да так,

что едва брови ваши не уползли на затылок!

– Ничуть, говорю я вам, такого не бывало! Ни в малейшей степени я не удивлён! Зато вы... а, какая разница!? Что вы скажете о просьбе?

– Поступи такая просьба от вас, я бы не счёл её необычной. Я бы исполнил её, и всё. Но, господин Толмачёв... он одним своим именем гораздо обычные спички претворить в источник мирового пожара.

– Вот тут я согласен! Давайте приступим к чаю, заодно и подумаем, что и где мы сможем разузнать о картах. Вы, кстати, играете в карты?

– От скуки бывало. Но, в тонкости их происхождения, и всего остального с ними увязанного, не вникал.

– Вот, скажите на милость, откуда он берёт такие странные события и загадки? Как сочленил его ведомство и обычные карты?

– Боль, Кирилла Антонович, всегда лекаря ищет.

– Значит, для чего-то карты сыскали надворного советника.

Глава вторая

ВСЁ, ЧТО ВИДИТСЯ, НЕ ЕСТЬ ТАКОВЫМ.

«В карты играешь, а козырей не знаешь» —
Русская народная пословица.

Как и обещал, прибыл Александр Игнатьевич на третий день после получения письма.

Нанятое ландо было отпущено, саквояж отнят, а сам на дворный советник заключён в дружеские объятия.

На многожды описанной веранде дома Кириллы Антоновича уже стоял стол, накрытый такими яствами, такими творениями Циклиды, что невозможно, без пробуждения могучего аппетита описать находящееся на том столе. Вот, взять, к примеру, эти не передаваемого вкуса «дамские пальчики» – свёрнутое в трубку отбитое мясо, с начинкой из грибов, сыра, ветчины, рубленых яиц и зелёного лука. Готовится это на пару, с толикой перца и... нет, не могу! Я опишу лучше Прошкины проказы, но не кухонные произведения его матери-кудесницы! Всё, забыли и переходим... действительно, перейдём к Прошке.

Это та деталь, кою имел в намерениях осветить позже, но в силу чрезвычайных причин опишу сейчас. Просто надо отвлечься от... просто надо отвлечься!

Итак. Совершенно неожиданно для всех, я имею в виду наших друзей-помещиков, а также тех, кто их окружает, и также стойко переносит откровенный террор сего сорван-

ца, были не то, что удивлены, а просто сражены проявлением и внимания, и искренней привязанности этого мальчика к Злойке.

А вот что никак не укладывалось в головах вышеперечисленных, так это полнейшая взаимность коня к Прошке. Представить такое сможете? Злойка счёл мальчика ровней своему единственному другу!

Прознав про сию дружбу, Кирилла Антонович счёл её выгодной. Как, спросите вы? Просто – шантаж! Помещик шантажировал Прошку этой дружбой, заявляя, что ежели во всём мире, включающим в себя и усадьбу, не воцарится мир и спокойствие, то не видать ему, горлопану, коня, как своих ушей!

Ах, дорогой мой Кирилла Антонович! Не учли вы, что новое поколение, в лице того самого кухаркиного сына, вероятно и не умнее прошлого, то есть, вашего, однако хитрее во сто крат!

В подтверждение моих слов расскажу об одном случае. Перекрикивая разыгравшегося Прошку малопонятными словами (из-за раздававшегося шума малопонятными), из коих возможно было вычленишь лишь «Злойка», «никогда» и «уши» в родительном падеже, этот прохвост тут же

умолк, а после чего, бестия, спокойно и взвешенно заявил.

– Не пустите к Злойке, не слышать вам тишины! Ни-когда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.